

Памяти Ричарда Пфелфера (1937–2002)

Предисловие

Первые 25 лет правления коммунистов в Китае были отмечены драматичными и страшными событиями, оказавшимися выражением максимализма политического режима, которому было предопределено сформировать значимую эпоху в истории мировой революции. Эта эпоха несет на себе очевидный отпечаток личности Мао Цзэдуна, который являлся столь же мощной доминантой своего времени, как и все лидеры современной истории. Последние публикации, базирующиеся на новых источниках, выявили неоднозначные взаимоотношения и разногласия в китайском руководстве, неизменно возглавлявшемся Мао. Принимаемые в таких условиях решения высокопоставленных лиц часто оборачивались трагическими для народа Китая событиями. В моей работе я обращаюсь к указанным исследованиям, однако в первую очередь предполагаю рассмотреть последствия предшествующих решений тех же руководителей, которым ранее при изучении эпохи Мао не уделялось внимание. Именно эти решения сформировали структуры, с помощью которых революционные лидеры Китая стремились внедрять среди своих подчиненных дисциплину и обеспечивать исполнение своих директив. Именно в ходе воплощения этих решений были учреждены организации, которые стали центральным элементом нового революционного государства.

Ключевую роль в этом сыграли две организации. Во-первых, аппарат Коммунистической партии Китая¹, который обеспечивал жесткий и порой жестокий контроль за членами партии и в особенности за ее руководителями — так называемыми «кадрами». Во-вторых, позаимствованная у СССР модель социалистической

¹ В дальнейшем сокращается до аббревиатуры «КПК». — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

экономики, которая принесла многим последовавшим ей странам существенные проблемы. Лидеры Китая и, в частности, сам Мао Цзэдун издавали в Пекине директивы, которые распространялись по всем этим политическим и экономическим структурам, приводя как к ожидаемым поразительным достижениям, так и к чудовищным последствиям, которых никто не предполагал и не хотел. В работе над этой книгой я руководствуюсь убеждением, что для понимания того, почему решения китайского руководства и в особенности инициативы самого Мао завершились с соответствующими результатами, мы должны осознавать, насколько трансформировались социальные, экономические и политические институты Китая в 1950-х гг. Эти преобразованные структуры мешали реализации планов Мао и других лидеров и зачастую приводили к катастрофическим результатам. Хотя моя книга и позиционируется как историческая хроника, я подхожу к моему повествованию в первую очередь с точки зрения социологии.

В рассматриваемый период истории Китая решения руководства были воплощены в жизнь через особую форму политической организации, через специфический общественно-экономический строй. Указания сверху пропускались через огромный общенациональный бюрократический аппарат и новые социальные структуры и доходили до низов в самом неожиданном виде, рассеивая, искажая или преувеличивая собственное содержание. Сущностная централизованность и дисциплинированность партийного государства, придававшие строю воображаемую мощь, порождали и его крайне необычные недостатки. Практически ни одна из инициатив Мао не привела к результатам, которые в полной мере ожидали, предвидели или приветствовали лично Мао и его сторонники. Более того, как мы увидим далее, большинство инициатив Мао обернулись против Китая. Почему?

В тот период времени КНР была организованным необычным образом обществом, которое отличалось не только от нашего общества, но и значительно разнилось, по итогам первого десятилетия верховенства коммунистов, с прошлым Китая. Чтобы понять, почему так много китайских граждан принимали активное участие в кампаниях и конфликтах того времени, нам необходимо осознать социальные и организационные условия, в ко-

торых жили и работали как официальные лица, так и рядовые граждане. Изучение этих условий тем более важно в наши дни, когда обстоятельства прошлого размылись под напором мощных волн динамичной рыночной экономики, встроенной в мировой капитализм. Моя цель — показать, что события эпохи Мао отражали специфику институтов, сформировавшихся в первое десятилетие правления КПК. Историю эпохи Мао я представляю, постоянно держа в уме эти институты.

Когда в 1973 г. на 3-м курсе бакалавриата в Университете Джонса Хопкинса я записался на мой первый курс занятий по современному Китаю, тема, которой посвящена настоящая книга, была все еще малоизученной и сводилась к спекуляциям по поводу совсем недавних событий в закрытом и изолированном обществе. Когда в качестве преподавателя Колумбийского университета в 1983 г. я начал вести мой собственный первый курс, то назвал его «постреволюционное общество Китая», подразумевая то новое общество, которое было сформировано после Революции 1949 г. и прихода КПК к власти. В наши дни, когда после кончины Мао прошло несколько десятилетий, большая часть социальных и экономических структур того периода исчезла после множества раундов экономических реформ. При этом значительная часть прежних политических структур сохранилась вплоть до настоящего времени.

Охватывая взглядом прошлое, мы ясно видим, что 1949 г. был лишь началом, а не концом Китайской революции. В эпохе Мао было не меньше революционного, чем в ее прелюдии — партизанском движении и гражданской войне.

В настоящей книге представлена постепенно сформировавшаяся на протяжении 30 с лишним лет исследований и преподавательской деятельности точка зрения на маоистский Китай. Эта хроника — выборочный нарратив социолога, глубоко заинтересованного в изучении политики и экономики, в особенности — основ политической власти, социалистической модели развития, социального неравенства, политических конфликтов и народного протеста. Вне сомнений, есть и другие обоснованные подходы к повествованию об истории Китая при Мао Цзэдуне. Однако они отличны от моего подхода.

Мои предшествующие работы о Китае писались для специальной аудитории — представителей академических кругов. В публикациях такого рода акцент делается на концептуальные основы, новые источники и исходные материалы доказательной базы, а также на методику анализа. Такие академические работы основываются на критическом осмыслении альтернативных подходов. К сожалению, для чтения кем-либо за пределами небольшого сообщества экспертов эти произведения в конечном счете оказываются несколько скучными. Настоящая книга в значительной мере основывается на моих собственных исследованиях и многих годах чтения работ моих талантливых коллег, однако она не предназначена исключительно для специалистов. В этом издании я предпринимаю попытку представить все, что мне известно о рассматриваемом периоде истории Китая, таким образом, чтобы одновременно заинтересовать моих коллег-ученых и студентов и предложить текст, доступный и понятный любому читателю.

Я нахожусь в интеллектуальном долгу перед огромным множеством людей и организаций. Полностью перечислить их на этих страницах представляется невозможным. Особенно стоит отметить области исследований вне круга моих собственных изысканий, когда я был вынужден в значительной мере опираться на произведения и результаты научных трудов коллег. Я постарался четко обозначить тех, кому я более всего обязан, прежде всего, через ссылки на их работы. Неоднократные ссылки на одних и тех же авторов показывают, что именно перед ними я в наибольшем долгу. Я благодарен Томасу Бернстайну, Джин Ой, Дуайту Перкинсу и Майклу Шенхальсу за их комментарии ко всему тексту или к отдельным частям первоначального варианта этой книги. Я также хотел бы отметить вклад Дун Гоцяна — моего коллеги и соавтора, профессора кафедры истории Нанкинского университета. В главах, посвященных «культурной революции», я обращаюсь к нашим совместным публикациям. Сотрудник Центра китайских исследований имени Фэрбэнка при Гарвардском университете Нэнси Херст помогла мне подготовить окончательную редакцию текста, которая была передана в издательство. Уже почти два десятилетия Стэнфордский университет является для меня идеальным интеллектуальным пристанищем. В особенности я хотел бы отметить большую под-

держку, которую оказали моему исследованию Институт международных исследований имени Фримана и Сполги, Школа гуманитарных наук и Центр исследований в области Азиатско-Тихоокеанского региона имени Шоренстайна при Стэнфордском университете. Стэнфордский центр при Пекинском университете оказал мне содействие на заключительных этапах сбора информации и написания настоящей книги, а также стал вдохновляющей площадкой для подготовки черновых версий многих из ее глав. Я также хотел бы поблагодарить Майкла Аронсона, редактора Harvard University Press, за поддержку и продвижение проекта, который столь разительно отличался от всех моих ранних начинаний.

Эта книга — конечная точка приключения, начало которому было положено в сентябре 1973 г. в Балтиморе, в обычной аудитории, на занятиях по курсу «Правительство и политика Китая», который вел Ричард Пфедфер, научный руководитель в бакалавриате. Рик был убежденным противником войн и специалистом по Китаю. Он был в числе людей, которые в тот момент только что посетили КНР в составе одной из первых американских делегаций. Его интриговала текущая «культурная революция», однако он слишком хорошо понимал, что за ней скрывались злоупотребление властью со стороны революционных организаций по контролю дисциплины и трудноразрешимая проблема бюрократической диктатуры при социализме. Рик был увлеченным и требовательным учителем, который настаивал на том, чтобы его студенты критически переосмысливали все идеи, в особенности их собственные. Добивался он этого через, казалось, не знавшее пределов внимание к студенческим эссе, в которых он безжалостно обличал ленивые риторические уловки и логические нестыковки. Разгромные отзывы сопровождались множеством беспощадных замечаний на полях. При этом Рик был благосклонным и заботливым научным руководителем, в особенности когда студент наконец-то объяснял ему, с чем к нему пришел. Вплоть до того семестра я не находил в вузовских занятиях особого вдохновения. Однако после курса Рика все встало на свои места. Его стиль преподавания изменил направление моей жизни. Рик преподнес мне бесценный дар, за который я навсегда останусь перед ним в неоплатном долгу. Эту книгу я посвящаю его памяти.

Глава 1

Прощание

Пекин. 18 сентября 1976 г. 15:00. На центральной площади Тяньаньмэнь выстроились ряды одетых в форменную одежду рабочих и военных. Присутствующие стоят, молча склонив головы. По всему Китаю — на площадях, в деревнях, на заводах, в школах и в служебных кабинетах огромной страны — проходит торжественная церемония прощания с национальным лидером. Народ КНР — почти один миллиард человек — чтит память Мао Цзэдуна, который скончался девятью днями ранее в возрасте 82 лет. Все стоят с опущенными головами и, как было заранее предписано, хранят скорбное молчание в течение трех минут. Сравнительно малоизвестный Хуа Гофэн — назначенный преемник Мао — зачитывает речь, переполненную хвалебной риторикой в адрес почившего председателя КНР. Мао Цзэдун возглавлял Коммунистическую партию Китая с начала 1930-х гг. и занимал доминирующее положение на всех направлениях государственной политики КНР с самого момента образования этого государства в 1949 г. Все партийное руководство вышло на площадь, демонстрируя свое единство перед лицом невосполнимой утраты.

Иллюзия этого единства рассеивается уже 6 октября. Заручившись поддержкой ряда высокопоставленных официальных лиц, Хуа Гофэн выступает с критикой ярых поборников курса Мао и приказывает взять под стражу главных политических союзников уснувшего вечным сном председателя. Супруга Мао, Цзян Цин, была арестована прямо в своей резиденции. Еще три человека — Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань — вызваны на совещание руководящих кадров. По прибытии на место про-

ведения мероприятия каждый из них, к своему удивлению, оказался взят под стражу вооруженными охранниками. Вышеназванная четверка руководителей выполняла приказы Мао во времена «культурной революции» — масштабной кампании против государственной системы во главе с КПК, в результате которой были подорваны как правительственная политика, так и основы экономики Китая, а также были преданы мучениям и убиты миллионы людей. На момент задержания названные четыре человека составляли 25 % состава Политбюро ЦК КПК — руководящего органа партии в составе 16 человек. Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо были членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занимая соответственно второе и четвертое положение в этой структуре. Вскоре арестованных окрестят «бандой четырех» и обвинят в контрреволюционной деятельности. На самом деле их вина состояла в том, что на протяжении последних десяти лет жизни Мао они выполняли его приказы. Оставаясь символом легитимности революции, Мао Цзэдун будет продолжать удостаиваться посмертных восхвалений. Однако в действительности описанные события представляли собой государственный переворот, подрывающий устои политического наследия первого председателя КНР. Ведь именно он был главарем «банды четырех». Просто никто не говорил об этом вслух.

Перенесемся на 27 лет в прошлое. На дворе — 1 октября 1949 г. Мы вновь на площади Тяньаньмэнь. Обращаясь к огромной толпе людей, 55-летний Мао Цзэдун провозглашает образование Китайской Народной Республики. Этот момент обещает положить конец столетию, которое ознаменовалось для Китая экономическим и политическим упадком, вмешательством со стороны колониальных держав, иностранным вторжением и гражданской войной.

В течение большей части первой половины XX в. Китай представлял собой несостоявшееся государство, обломки безуспешной попытки создать конституционную республику [Nathan 1983; Wilbur 1983], а в течение большей части второй половины XIX в. — потерпевшую крах многонациональную страну. Существовавшая

с 1644 г. империя Цин — последняя династия Китая, «маньчжурская»¹, — достигла пика своего расцвета в XVIII в. К концу же XIX в. страна, терзаемая восстаниями изнутри и претензиями колониальных держав извне [Kuhn 1980; Rowe 2009: 149–296], переживала период затянувшегося упадка. 1949 г. оказался исторически важен не как момент триумфа пролетариата над буржуазией или момент победы коммунизма над капитализмом. Слова Мао о провозглашении Народной Республики сулили формирование нового, более могущественного китайского государства, которое могло бы противостоять общемировой политической конкуренции и посягательствам со стороны иных крупных держав.

Впервые за 100 с лишним лет можно было говорить о китайском государстве, которое могло эффективно контролировать свою территорию, полноценно защищенную безопасными границами, а равно и было способно положить конец отдельным проявлениям мятежного духа внутри страны. Впервые в истории Китая взять в свои руки управление китайским обществом и в деревнях, и в городах должны были штатные чиновники, а не наместническая знать. Эти официальные лица были частью общенациональной иерархической лестницы, которая напрямую и достаточно успешно обеспечивала контакт между высшим руководством в Пекине и обычными людьми на местах. Возможно, Мао и окружавшие его сторонники и видели в победе КПК в 1949 г. триумф общемирового социалистического движения. Однако в первую очередь этот год обозначал возникновение Нового Китая — первого современного национального государства китайского народа.

Предшествовавшие этому моменту 100 лет были безжалостны к Китаю. Масштабное Тайпинское восстание 1850–1864 гг. на десять с лишним лет охватило большую часть юго-восточных районов империи Цин. Становление и падение так называемого «Небесного царства великого благоденствия» и сопровождавшие его крупные вооруженные столкновения погубили свыше 20 мил-

¹ Такое наименование связано с тем, что династия Цин была основана кланом, который происходил из Маньчжурии.

лионов человек [Kuhn 1978; Platt 2012; Spence 1996]. Ослабленная династия Цин боролась с сонмом региональных мятежей на фоне серии провальных войн с колониальными державами. Ихэтуаньское (Боксерское) восстание 1900 г., направленное против иностранного вмешательства в дела Китая, было поддержано династией Цин, однако потерпело поражение от рук Альянса восьми держав. Китайская империя так и не оправилась от этого удара [Esherick 1987; Silbey 2012]. Синьхайская революция 1911 г. представляла собой не слишком примечательный государственный коллапс зачухавшей империи².

Попытки основать современную китайскую республику практически сразу сошли на нет. Общенациональные парламентские выборы завершились триумфом новообразованной партии Гоминьдан — буквально «Национальной партии» Китая. Основатель партии Сун Цзяожэнь, которому движение было обязано победой на выборах, вскоре погиб в результате покушения, организованного Юань Шикауем, бывшим чиновником при династии Цин, который вознамерился установить собственную диктатуру [Young 1983: 217–228]. Китай быстро распался на плеяду региональных феодалов во главе с борющимися друг против друга военачальниками-милитаристами [Ch'i 1976; Nathan 1976; Gasster 1980]. В 1920-х гг. обозначилось противостояние двух революционных партий, желавших объединить Китай при поддержке военных: партия Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном, которому позже пришел на смену Чан Кайши, и Коммунистическая партия Китая, которую в конечном счете взял под свой контроль Мао Цзэдун, уроженец провинции Хунань, радикальный деятель и партизанский командир. В течение короткого периода в середине 1920-х гг. движения сблизились и добились определенных успехов совместно. Однако обеспеченных представителей китайской элиты, которые составляли ядро Гоминьдана, отталкивала приверженность КПК делу социальной революции. Союз распался в 1927 г. Чан Кайши покончил с коммунистами в коалиции, жестко предав казни тысячи человек [Isaacs 1961; Wilbur 1983].

² Отличный обзор представлен у [Rowe 2009: 149–296].

Кровопролитное противостояние двух революционных партий растянулось на десять с лишним лет. К середине 1930-х гг. коммунисты оказались на краю гибели. Но в дело вмешалась фортуна, подославшая в Китай агрессора в виде милитаристской Японской империи. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию — регион на северо-востоке Китая (современные провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян). В 1937 г. японцы приступили к масштабному военному вторжению во внутренние районы Китая. Режим националистов, продержавшись всего около 10 лет, не выдержал интервенции. Разруха, пришедшая в Китай, унесла с собой около 12 миллионов жизней [Mitter 2013: 5–6].

После краткой передышки, последовавшей за неожиданной капитуляцией Японии после атомных бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., внутри Китая возобновилась полномасштабная гражданская война. Гоминьдановцы, переждав японскую оккупацию в городе Чунцин — своей военной столице на юго-западе Китая, вступили в борьбу с КПК, пережившей к тому времени возрождение благодаря противостоянию «снизу» японским оккупантам, с которыми она намеренно не вступала в прямые конфронтации. Националисты, несмотря на победоносное для них начало гражданской войны, не смогли составить конкуренцию коммунистам и после серии поражений в значимых сражениях на территории Маньчжурии быстро распались как политическое движение. К моменту выхода Мао Цзэдуна с вестью об образовании Народной Республики на Тяньаньмэнь бóльшая часть активов националистов уже была эвакуирована на остров Тайвань, а многочисленная Народно-освободительная армия под командованием Мао готовилась к окончательному захвату южных и западных территорий Китая.

Без сомнения, граждане Китая надеялись, что 1949 г. положит конец разрухе первой половины XX в. и станет началом новой эпохи национального единства, мира и экономического прогресса. Все эти ожидания вскоре сошли на нет. Эпоха революции еще не завершилась. Де-факто 1949 г. был лишь ее началом. Ни Мао, ни его коллеги по руководству не могли предвидеть масштабов продолжающихся потрясений.

Два самых известных примера таких потрясений, которые стали характерными явлениями эпохи Мао, — «большой скачок» 1958–1960 гг. и так называемая «великая пролетарская культурная революция», как теперь принято официально обозначать целое десятилетие от 1966 до 1976 г., самые сокрушительные удары которой пришлось на первые четыре года указанного периода. «Большой скачок» представлял собой масштабную кампанию мобилизации всего населения на еще более напряженный труд, более продолжительные часы работы и постоянное достижение новых производственных рекордов в целях догнать ведущие мировые экономики за несколько лет. Эта инициатива продемонстрировала поразительный охват населения мерами нового партийного государства. Подобный организационный маршбросок был бы немыслим всего десять лет назад. Мало кому из существовавших тогда правительств могло бы прийти в голову такое предприятие. Однако, к удивлению и ужасу инициаторов кампании, «скачок» обернулся невообразимой катастрофой: массовый голод — дело человеческих рук — привел к гибели почти 30 миллионов человек, а глубокий спад в области промышленности продлился до середины 1960-х гг.

За экономической и демографической катастрофой «большого скачка» вскоре последовало политическое бедствие в виде «культурной революции». В 1966 г. Мао мобилизовал студентов-*хунвейбинов*³ — буквально «красногвардейцев» — на борьбу с партийными функционерами. После некоторых колебаний он также позволил трудящимся принимать участие в множащихся нападках на официальных партийных лиц местного и регионального уровня, которые по большей части были беззащитны перед лицом развязанной против них кампании. К январю 1967 г. почти на

³ Здесь важно отметить, что распространенное допустимое обозначение движения на русском как «хунвейбины» («красногвардейцы») несколько скрывает двусмысленность термина, где *бин* может обозначать как отдельных бойцов, так и их подразделения. Отсюда равно допустимый перевод как «хунвейбин» — «Красная гвардия», который чаще встречается в источниках на английском. В данном издании исходили из приоритета обозначения «хунвейбины».

всей территории Китая были фактически развалены гражданские структуры национального правительства, которые в течение последующих двух лет перестраивались медленными и прерывистыми, но яростными усилиями. В дальнейшем имела место борьба за власть между противостоящими фракциями повстанцев, которые взаимодействовали друг с другом в рамках сложных альянсов, параллельно конфликтуя с военными подразделениями, направляемыми на их подавление. Многие регионы Китая переживали состояние, близкое к гражданской войне, и функционировали при отсутствии действующего гражданского правительства. Призывы к повстанцам объединиться под сулящим всем победу знаменем председателя Мао оставались без внимания. Конец этому этапу «культурной революции» был положен только путем безжалостного применения вооруженной силы.

К лету 1968 г. бóльшая часть Китая де-факто находилась на военном положении, которое, возможно, давало населению поводы надеяться на передышку в междоусобице. К сожалению, военные руководители и их союзники среди гражданских запустили набирающую обороты террористическую кампанию против воображаемого класса врагов и политических заговорщиков. Ценой допросов и пыток миллионов людей был восстановлен не терпящий разночтений авторитет правительства. Бойня остановилась лишь после таинственной смерти в сентябре 1971 г. Линь Бяо, заместителя председателя ЦК КПК, министра обороны КНР и официального преемника Мао. После того как армия сняла с себя полномочия по вопросам гражданского администрирования, Китай вступил в период неопределенности, в течение которого противоборствовавшие в конце 1960-х гг. стороны возобновили фракционную борьбу, периодически выливавшуюся в волнения на местах. Междоусобица длилась до апреля 1976 г., когда в Пекине и других городах прошла волна протестов против правления Мао. До кончины стареющего диктатора оставалось шесть месяцев.

Вся эта историческая подоплека тяжелым грузом висела в воздухе в сентябре 1976 г. во время торжественного собрания на площади Тяньаньмэнь. В списке приглашенных на него руково-

дителей были люди, которые поддержали «культурную революцию» Мао, с усердием совершали нападки на своих коллег и стремились вести Китай по пути маоистской революции, осуждая любого, кто ставил вопросы развития производства и качества жизни выше революционных принципов. Они стояли бок о бок с теми, кто умудрился выйти из всех потрясений относительно целым и невредимым, и с теми, кто потерял свои должности, был подвергнут унижению, пережил гибель любимых и близких и выжил в условиях заключения или ссылки прежде, чем быть вновь призванными в 1970-е гг. на встречу в столице Китая, чтобы приступить к делу восстановления страны. Последним планам Мао по обеспечению сохранности собственного наследия предстояло самым впечатляющим образом неожиданно рухнуть всего через несколько лет после его смерти. Это стало самой большой неудачей лидера, который из своего ошеломительного триумфа раз за разом извлекал лишь поражения, обрекая Китай на два десятилетия уничтожения и бессмысленной вражды. Разрушительные инициативы Мао оставили Китай в состоянии беспорядка. Последователям лидера пришлось начать всю работу практически с нуля. Следующие 30 лет Китай шел совершенно неожиданными путями.

Цель настоящей книги — осмыслить эти события и иные драматические сюжеты того времени. Недавние научные исследования, посвященные Мао Цзэдуну и его эпохе, четко высветили конфликты между акторами, находящимися на самой верхушке политической системы, и мотивы действий этих акторов, а равно и последствия принимаемых руководством решений для общества Китая. В своей работе я использую эти материалы, однако в моем собственном исследовании делаю акцент не на том, что произошло, но на том, почему это произошло именно таким образом. Центральной фигурой нарратива выступает Мао Цзэдун: чего он хотел добиться, на что он надеялся, какие помыслы и обязательства определяли его действия. Ключевая идея моей книги заключается в том, что результаты его инициатив зачастую оказывались непреднамеренными, непредвиденными и нежелательными, причем не только для населения Китая и ру-

ководства КПК, но и для самого Мао. Для понимания причин произошедшего мы должны рассмотреть революционную организацию, которая в 1948–1949 гг. силой взяла под свой контроль континентальный Китай, а также наследие, оставленное этой организацией в ходе ее продолжительной борьбы за власть. Мы должны исследовать особенности восстановления государства и общества в 1950-х гг. Мы должны изучить, как была организована КПК и как она привлекала, вознаграждала и наказывала своих членов. Мы должны осознать существенные недостатки экономической системы, которая была импортирована из СССР и в которой руководство Китая, в особенности Мао, видело путь к ускоренной индустриализации Китая. Две эти структуры — партийная система и командная экономика СССР — оказались эпицентром всех трудностей и конфликтов эпохи Мао. Именно в них кроются корни недовольства правлением Мао, и именно их специфические особенности неоднократно срывали его начинания. Сам Мао Цзэдун, который предстает перед нами в таком прочтении истории, оказывается во многом легкомысленным и склонным к грубым ошибкам человеком, апологетом жесткой анахроничной революционной идеологии. Однако его личные недостатки не позволяют нам в полной мере объяснить, почему события развивались именно так, как это случилось. Я начинаю свое повествование с описания инициированных Мао оперативных мер и прослеживаю, как их последствия охватывали созданный им режим и в конечном счете все общество Китая.

Следующие пять глав этой книги описывают предпосылки для серии грядущих драматических событий. Я расскажу о той трансформации, которую за десять лет после 1947 г. Китай пережил на пути к превращению в мощное и сплоченное национальное государство со своими необычными особенностями и поразительными уязвимостями. Глава 2 представляет собой хронику долгого пути КПК к власти и описывает воздействие последствий этой продолжительной борьбы на все имевшие место события. Я не концентрируюсь на традициях партизанского коммунизма и антияпонском сопротивлении, которые занимают столь значительное место в мифологии формирования КНР.

Мощная сталинизация КПК началась в городе Яньань, бывшем во время войны базой коммунистов. Именно здесь Мао приобрел к основам коммунизма сталинистского толка, в особенности к доктрине классовой борьбы в условиях социализма, которая продолжительное время трактовалась как единственная теоретическая новация Мао. В Яньане партия отшлифовала мастерство обеспечения драконовских требований к лояльности и конформизму своих членов и навыки наказания тех, кто оказывался неспособен выполнять эти требования. В будущем этот опыт окажется для КПК источником как значительной мощи, так и разрушительных злоупотреблений. Спустя много лет после отхода от стратегии партизанской войны в созданном за 1950-е гг. режиме для поддержания вооруженных сил общего назначения продолжала действовать массовая мобилизация гражданского населения, начало которой было положено во времена гражданской войны в конце 1940-х гг.

1950-е гг. были временем формирования режима, а также эпохой социальной революции. Главы 3 и 4 представляют собой общее представление о ходе революции соответственно в сельской местности и в городах. За короткое время были уничтожены существовавшая многие века система землепользования и выстроенные на ее основе социальные институты. Исчезли частное землевладение и сельскохозяйственная аренда, равно как и сельские элиты, обеспечивавшие этими явлениями свой авторитет. Китай быстро превратился в страну мелких независимых земледельцев, у которых по прошествии нескольких лет снова отняли землю. Их поглотили коллективные хозяйства. Изменения затронули и жизнь в городах. Лавочники, торговцы и капиталисты, которые не бежали из континентального Китая, постепенно лишались своей собственности и активов. Компании консолидировались в коллективы под управлением правительства или национализировались и превращались в государственные предприятия. Городское и сельское население регистрировали, классифицировали и привязывали к местным сообществам. Как в городах, так и в сельской местности были эффективно нейтрализованы как организованные преступные группировки и во-

оруженные банды, так и торговля наркотиками, проституция и рэкет. В городах и деревнях был установлен новый уровень стабильности и порядка. Одновременно со всем этим КПК формировала новое и эффективное национальное государство, которое служило делу искоренения неравенства и незащищенности, столь продолжительное время терзавших простых жителей Китая.

С течением 1950-х гг. новый национальный режим Китая начал заметно напоминать советский строй. В главе 5 описывается, как Китай стремительно внедрил свою версию государственной социалистической машины роста, разработанную в 1920-х гг. в сталинском СССР. По прошествии времени это решение выглядит как роковой выбор, поскольку перенятая модель развития имела серьезные недостатки и в конечном счете потерпела тотальный крах. Однако в начале 1950-х гг. это было абсолютно невозможно предвидеть. Указанная модель позволила СССР добиться ускоренного развития промышленности, одержать победу над нацистской Германией и обеспечить резкое увеличение темпов роста в послевоенный период, что усиливало военную мощь СССР, ставшего угрозой для западных держав. В первой половине 1950-х гг. Китай остервенело внедрял у себя именно эту модель, требовавшую высоких показателей экономии и инвестиций, которые, в свою очередь, сдерживали в обозримом будущем потребление и качество жизни в пределах средств для существования. Нормирование и дефицит, жилье и общественная инфраструктура ненадлежащего качества оставались проблемами для Китая вплоть до завершения эпохи Мао.

Все описанные изменения носили фундаментальный характер, однако наиболее важным преобразованием 1950-х гг. стало расширение влияния КПК на все сферы функционирования правительственных структур, социальных институтов и предприятий Китая. Этому тренду, который является общепризнанным, но требует серьезного исследования, посвящена глава 6. Партия не стремилась контролировать все и вся, предпочитая фокусироваться на организациях, которые выполняли ключевые управленческие функции, принимали принципиальные решения по распределению ресурсов и готовили будущие элиты Китая.

Расставлять кадры и распределять ресурсы КПК научилась быстро. Это стало убедительным стимулом для вступления в партию, а соответственно, неизбежно поменяло смысл членства в этой партии и мотивацию вступающих в ее ряды людей. До победы КПК вступление в партию сопутствовали значительные жертвы, личные риски и даже опасность. Ситуация полностью изменилась в 1950-х гг. Членство в партии стало мандатом, который увеличивал возможности продвижения по службе и открывал перспективы получения высшего образования. Становясь членом КПК, особенно в молодом возрасте, человек приобретал гораздо больше шансов быть назначенным на руководящую должность и пользоваться особыми привилегиями. Пребывание в такой должности, соответственно, позволяло распространить действие льгот на своих родственников и преемников. Впрочем, все эти преимущества действовали лишь до тех пор, пока члены партии неустанно демонстрировали лояльность и послушание.

Сформированная в 1940-е гг. революционная организация со строгой системой дисциплины неизбежно трансформировалась в площадку для личного продвижения и структуру покровительства. Этот тренд беспокоил отдельных представителей руководства и постепенно стал предметом исключительной озабоченности Мао Цзэдуна как, возможно, наиболее важная составная часть маоистской политической платформы. При этом, как мы увидим далее, Мао странным образом интерпретировал описанную тенденцию как возвращение к капитализму, а не как неизбежное направление эволюции бюрократической иерархии, получившей монопольный контроль над собственностью и карьерными возможностями. Поставив такой в корне неверный диагноз, Мао предлагал курсы лечения, которые были не только контрпродуктивны, но и вредны. Он безуспешно бился над решением описанной проблемы до конца своей жизни.

Эти главы обозначают контекст для яростных событий последних двух десятилетий жизни Мао Цзэдуна. Самым поразительным в них окажется возможность увидеть, как практически все его инициативы приводили к печальным последствиям, оказывавшимся непреднамеренными, неожиданными и нежелательными.

Мао приходилось отступать, идти на компромиссы и менять направление движения. Хроника 20 последних бурных лет его жизни начинается с главы 7, в которой мы проследим реакцию Китая на глубокие социальные изменения в СССР после смерти Сталина, в особенности последствия осуждения Никитой Хрущевым на съезде КПСС в феврале 1956 г. культа личности. Критика Сталина больно задела лидеров ряда восточно-европейских стран. Многие из них неукоснительно копировали вождя СССР в собственных политических курсах. Мао в значительной мере ассоциировался с таким подходом. Он активно продвигал соответствующие политические инициативы и сознательно подражал Сталину, формируя культ своей личности и режима, за которые теперь пригвождали к позорному столбу. Желая переиграть Хрущева, Мао стремился запустить либерализацию на собственных условиях. В феврале 1957 г., преисполненный уверенности в себе, он анонсировал кампанию под слоганом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», призвав рядовых граждан критиковать работу партийных кадров в масштабах всего Китая. Инициатива была направлена на «исправление» поведения членов партии и исключение формирования народного возмущения, которое в то время охватило новые режимы в Восточной Европе. Однако кампания вышла ее организатору боком. За несколько недель поначалу робкие замечания переросли в лавину жалоб, которые ставили под сомнение партийную идеологию и диктаторский стиль управления. Студенты и преподаватели учреждали независимые журналы и клубы, собирали митинги и устраивали в учебных заведениях диспуты. Рабочие требовали пересмотра заработной платы и представления своих интересов. По городам прокатилась волна стихийных забастовок. Крестьяне выходили из недавно созданных коллективных хозяйств. На сторону недовольных начали переходить молодые члены партии и активисты Коммунистического союза молодежи Китая.

Мао просчитался в своем самонадеянном предположении, что КПК не стоит страшиться открытой критики. В июне лидер пошел на попятную. Партия ответила своим критикам массовым движением против правого уклона, объявившим оппонентов КПК

антипартийными реакционерами и контрреволюционерами. Не имело значения, какие замечания предъявил человек. Кампания затронула не только людей, выступавших с резкой критикой партии и принимавших участие в организованных мероприятиях. Подвергнутые гонениям были вынуждены переживать мучительные собрания, на которых их обличали. В преддверии окончательных приговоров этих людей изолировали от коллег и друзей, увольняли со службы, высылали работать в коллективные фермерские хозяйства, отправляли в тюрьмы или рабочие лагеря. Отдельных руководителей студенческих протестов и забастовок казнили. Кампания обрушилась и на тысячи молодых членов партии, которые в духе лояльности и идеализма отреагировали на призыв Мао выступать с критикой для исправления недостатков в партийной работе. Контрудар сработал. Волнения быстро прекратились. Это был последний пример подлинно независимой политической критики партийной системы вплоть до конца 1970-х гг.

По-прежнему преисполненный решимости доказать свою способность смело и нетривиально решать проблемы развития социализма, еще до завершения Движения против правого уклона Мао приступил к кампании за массовую индустриализацию. В рамках «большого скачка», которому посвящена глава 8, КПК, используя свой мощный административный ресурс, бросила рабочих и крестьян на авральное наращивание производства. Партийные кадры вынуждали своих подчиненных долгие часы работать для выполнения непомерно завышенных планов по производству зерна, стали и иной продукции. Все закончилось полным фиаско по причине дезорганизации, расточительства и дутых отчетов, отправлявшихся властям партийными чиновниками, ощущавшими на себе сильнейшее политическое принуждение работать на высший результат. В июле 1959 г., когда признаки надвигающегося экономического провала стали очевидны, партийное руководство собралось, чтобы обсудить, как сменить выбранное политическое направление. Мао уже был осведомлен о существующих проблемах и, казалось, был даже готов сменить выбранный курс. Однако на откровенное послание министра

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru